

компонент в общем представлении о нем, порою поглощая объективные данные.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999.

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: «Индрик», 2005.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Введение в психолингвистику. Саратов, 1998.

Сиборт С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998.

Хорешко О. Н. Жанровый аспект положительной оценки лица. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. филолог. Наук. Саратов, 2005.

Schaff A. Stereotypy a działanie ludzkie. 1981.

Список сокращений

«КП» – «Комсомольская правда»

«НГ» – «Новая газета»

«ОГ» – «Областная газета»

«РГ» – «Российская газета»

О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРАВОСЛАВИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Религия вычленяется исследователями как семантическая сфера, т. е. понятийная область, связанная с соответствующей сферой жизни, деятельности людей [Скляревская, 1996], или как один из «социальных институтов», наряду с правом, образовани-

ем, литературой, искусством (Р. Халлиг и В. фон Вартбург) [см.: Караулов, 1976: 256–257]. Семантическая сфера *религиозного* – это сложная когнитивная структура, включающая множество разнообразных понятий, которые в плане выражения образуют лексико-семантические парадигмы разного объема и характера. Семантическая сфера имеет полевую структуру, в ядерную часть которой входят базовые религиозные концепты, идентифицирующие православную религию. Внеядерное пространство разделяется на семантические зоны и в дальнейшем – на семантические секторы.

Ядро составляют основные понятия православного вероисповедания, т. е. то, что составляет предмет верования, а также понятия, так или иначе связанные с семантикой «способность верить», «внутреннее существо веры». Вопрос о том, что отнести к основным религиозным понятиям, достаточно сложный. Для верификации этой группы мы обращались к разным определениям и интерпретациям религии. Как пишет Д. В. Пивоваров, в религиозоведческой литературе существует множество различных определений религии и ее сущности. Религию иногда (особенно в христианстве) предпочитают называть верой, а в иных случаях ее определяют как особое знание [Пивоваров, 2003: 90], поэтому в ядро, безусловно, входит концепт *вера*. Религия – это стремление человека и общества к непосредственной связи с Абсолютом (*Богом*). Данная связь становится возможной посредством *духа*, *души верующего* и через *церковь* – «христианское сообщество, возглавляемое Господом Иисусом Христом, понимаемое как мистическое соединение всех верующих с *Богом* (Церковь как тело Христово)» и *таинства*. Религия – это сакральная связь, в свою очередь сакральное – это все то, что относится к *культу*, поклонению особо ценным идеалам. Исходя из этого, мы включили в ядро идеологически значимые для православной религии понятия: *Бог, вера, культ, дух, канон, душа, божественный, святой, канонизировать, таинство, заповедь, милосердие, соборность, церковь, богослужение, храм*. Базовые понятия задают в качестве инвариантов структуру внеядерной части семантической сферы.

Самые крупные противопоставленные множества во внеядерной части – две семантические зоны: «религия как форма общественного сознания» («идеология религии») и «церковь как

религиозная организация, осуществляющая культовую деятельность» («институты религии»). Эти семантические зоны можно условно противопоставить как «идеальное» и «материальное». В первую семантическую зону входят слова, имеющие семантическую корреляцию с понятием «религия». Единицы этой лексико-семантической парадигмы выражают идеологию православной религии. Вторую семантическую зону составляют лексические единицы, семантически связанные с понятием «церковь». Единицы этой лексико-семантической парадигмы представляют материальный мир религиозного сознания, его земные институты.

Семантическая зона «религия как форма общественного сознания» включает три сектора: «Божественное – дьявольское», «Сверхъестественное», «Благочестие». Основанием для выделения секторов становятся религиозные концепты. Основные концепты *Бог* и *дьявол* составляют основу семантического сектора «божественное – дьявольское», «сверхъестественное»; концепты *вера* и *грех* лежат в основе семантического сектора «благочестие – отсутствие благочестия».

Семантическая зона «церковь как религиозная организация, осуществляющая культовую деятельность» значительно превышает первую зону и включает восемь секторов. Здесь вычлениются участники религиозной жизни (секторы «духовенство, инок», «паства»). Участники религиозной жизни нуждаются в обучении законам церкви, поэтому мы сочли возможным выделить сектор «церковное образование». Религиозная жизнь концентрируется в определенных местах и, в соответствии с этим, выделяются секторы, в которые входят обозначения этих мест. Главным местом является храм, организованный и убранный в соответствии с религиозными канонами, поэтому отдельно выделяем семантический сектор «храм». Религиозная жизнь имеет строгий распорядок, в соответствии с которым выделяются секторы «богослужение», «церковные праздники», «религиозные обряды и таинства».

Семантические сферы вычлениются на основе социально-коммуникативного признака, т. е. они соотносятся с определенной областью коммуникации. При таком понимании семантическая сфера сближается с понятием «дискурс»: она находит отражение в том или другом участке лексической системы, обслуживающем специфическую сферу коммуникации. Для нас важным

оказывается то, что дискурс создает особый ментальный мир, он соотносен со специфическими сферами общественной деятельности.

В настоящее время типология дискурса в лингвистике базируется на двух основных критериях. Первый критерий типологии основан на понимании дискурса как способа использования языка для выражения особой ментальности [Степанов, 1995: 38]. В рамках этого подхода исследователь пытается определить единый концепт, вокруг которого продуцируется дискурс. Второй критерий восходит к идее Ч. Морриса о том, что специализация языка зависит от сферы его использования и употребляемых в этой сфере языковых знаков [см.: Карасик, 2002]. С учетом указанных факторов выделяются разные типы дискурса: деловой, научный, политический, поэтический, педагогический, медицинский, религиозный, риторический, мифический и др. Идея о разграничении видов дискурса на основе их различных функционально-прагматических характеристик была удачно дополнена предложенным М. Фуко понятием институционализации, то есть некой направляющей дискурс регулярности, фиксированности и нормативности, проистекающей из связи данного дискурса с каким-либо социальным институтом [Фуко, 1996]. Особое место в этой типологии занимает дискурс религиозный.

Сфера религии в нашем обществе – это сфера деятельности Русской Православной Церкви; «это определенная совокупность тем, отражающих смысл и содержание коммуникации в данной области социального взаимодействия» [Гольберг, 2002:5]. В последнее время сфера религиозной коммуникации заметно расширила свои границы, она активно проникает в современную жизнь, становясь частью повседневного общения. И можно, вероятно, говорить о двояком представлении сферы религии: условно говоря, «изнутри», т. е. с позиций религиозного дискурса, и «извне», т. е. с позиций светского дискурса.

Понятийная сфера *религии* активизируется, но при этом получает разное преломление: в рамках религиозной картины мира и в рамках светской картины мира. Как отмечает И. М. Гольберг [2002], для дискурса религиозного характерна особая наивно-языковая этическая картина мира, отличная от соответствующей картины мира светского дискурса. Это проявляется в особом на-

боре и специфике функционирования лексических единиц, соотносимых с моральными концептами. В рамках церковно-религиозного стиля можно найти лексемы, соотносимые с этическими понятиями, существующими только в религиозном дискурсе, и не характерными для картины мира бытового языка (например, *трезвение, немолитвенность, нецерковность*). В границах данного стиля существует также большое количество лексем, которые могут функционировать и в религиозном, и в светском дискурсах. При этом одно и то же слово, как правило, соотносится с разными концептами и, следовательно, имеет два значения – религиозное и светское. По характеру соотношения светского и религиозного значений все лексические единицы могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся слова, светское и религиозное значения которых различаются по ряду признаков (например, *терпение, осуждение, упорство, скука*). Ко второй группе относятся функционирующие в светском и религиозном дискурсах лексемы, значения которых не только различаются по ряду признаков, но и содержат противоположную оценку называемого понятия (например, *гордость, самолюбие, мечтательность, смех, спор*). Как отмечает И. М. Гольберг, сама структура религиозной и светской этических картин мира принципиально различна. Так, этическая система религиозного дискурса выстроена достаточно четко. Большинство понятий имеют здесь однозначную оценку и на основании этого примыкают либо к грехам, либо к добродетелям. В светском дискурсе нельзя найти практически ни одного понятия, имеющего однозначную оценку [Гольберг, 2002]. С учетом такого противопоставления можно сделать вывод о том, что один и тот же религиозный концепт будет иметь разное истолкование в словарях, обслуживающих светский дискурс, и словарях, обслуживающих религиозную сферу.

Различия между религиозной и светской картинами мира проявляются не только в восприятии моральных концептов, но и в лексических единицах с другой семантикой. Так, например, ключевое слово **небо** в религиозном дискурсе осмысливается, в первую очередь, как «преимущественное место обитания Бога и ангелов» [ПЦСС, 339] и только потом в физическом смысле – как пространство, окружающее нашу землю. В светском дискурсе, напротив, материалистическое понимание «видимое над Землей

воздушное пространство в форме свода, купола» [МАС, т.2: 422] является единственным. В светском дискурсе лексемы *таинство* и *обряд* воспринимаются зачастую как синонимы. Однако разграничение этих лексем является принципиальным в сфере религии, так как *таинство* – «священное символическое действие, через которое невидимым и непостижимым образом подается человеку благодать Святого Духа и осуществляется связь человека с Богом», а *обряд* – «символическое действие, составляющее внешнюю сторону культа, символизирующее общение верующих с Богом; форма осуществления таинств». По словам Ал. Меня, таинство нельзя смешивать с обрядом. Обряд есть любой внешний знак благоговения, выражающий нашу веру. Таинство же – это такое священнодействие, во время которого Церковь призывает Духа Божия и благодать Его нисходит на верующих [Мень, 1991]. Другими словами, *таинство* – это нечто внутреннее, сугубо индивидуальное, тогда как обряд – это нечто внешнее, совершающееся при участии других верующих или служащих Церкви.

Сопоставление единиц, имеющих специфическое значение в разных дискурсах, приводит к выводу о существовании дискурсивно-семантических вариантов, т.е. формально тождественных номинативных единиц, различающихся своим содержанием в зависимости от сферы употребления. Таким образом, семантическая сфера *религия* наполняет как религиозный, так и светский дискурсы. Вследствие этого данная семантическая сфера оказывается по-разному представленной в лексикографических источниках.

Системный характер языка, в частности его словарного состава, уже со времен античности так или иначе отражался в описательных нормативных грамматиках и в различных словарях – синонимических, антонимических, словообразовательных, идеографических, толковых и др. Толковый словарь фиксирует опыт определенного языкового коллектива на определенном этапе его развития, дает нам не только информацию о языке, он может стать источником несобственно лингвистической информации – культурологической, в том числе – идеологической. Являясь общими словарями литературного языка, толковые словари включают в себя различные семантические сферы, которые отражают наивную картину мира.

В нашем исследовании предпринята попытка систематизировать толковые словари, отражающие семантическую сферу *религия*, по типу дискурса и по типу адресата.

Адресат словаря условно понимается как «сознание, с которым автор вступает в диалог», включающее в себя «бытовое, философско-религиозное и художественное мышление» [Рымарь, 1991: 65]. Исследователями выделяются следующие типы адресата: конкретный характеризованный; максимально-обобщенный, нехарактеризованный и размытый [Купина, Битенская, 1994: 218, 219].

Соотнеся тип адресата и тип дискурса, мы выделили 4 группы толковых словарей:

	I	II	III	IV
Дискурс	Религиозный	Светский	Светский	Светский
Адресат	Конкретный, характеризованный (православное сознание)	Конкретный, характеризованный (сформированное атеистическое сознание)	Массовый, с формирующимся атеистическим сознанием	Массовый, с формирующимся свободным отношением к религии

I. Словари, обслуживающие религиозный дискурс, ориентированные на конкретный характеризованный тип адресата – людей с православным мировоззрением. В современной лексикографии таких словарей немного: «Полный церковно-славянский словарь», составленный священником Г. Дьяченко (1898, переиздание – 1993) [ПЦСС]; «Словарь малопонятных слов и выражений церковнославянского языка, встречающихся в молитвослове»; «Библейский словарь школьника» Н. В. Давыдовой [2000]; «Библейскую энциклопедию» [2002]; «Библейско-биографический словарь, или жизнеописания всех лиц, упоминаемых в священных книгах Ветхого и Нового Заветов, и других имевших какое-либо влияние на распространение Церкви Божией

на земле», сост. П. Я. Благовещенский [1999]; «Кто есть кто в Ветхом Завете. С апокрифами. Словарь», сост. Дж. Комэй [1998].

II. Словари, появившиеся в результате политики и идеологии советского государства: «Карманный словарь атеиста» [Новиков, 1975], Настольная книга атеиста под общ. ред. С. Д. Сказкина [1985]. Они рассчитаны на конкретного адресата с воинствующим атеистическим мировоззрением и обслуживают светский дискурс.

III. Словари, адресованные массовому читателю с формирующимся атеистическим сознанием (обобщенный специализированный тип адресата) и обслуживающие светский дискурс. Основные лексикографические труды в этой группе: Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова; Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова; два академических словаря – четырехтомный «Словарь русского языка» (МАС) и семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (БАС).

IV. Словари, обслуживающие светский дискурс и ориентированные на адресата с формирующимся свободным отношением к религии. Основные лексикографические труды в этой группе: Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой; Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения.

Особое место среди лексикографических источников занимает «Словарь православной церковной культуры» Г. Н. Складневской [2000], отвечающий в равной мере потребностям и светского, и религиозного дискурсов, но ориентированный на адресата с формирующимся свободным отношением к религии.

Охарактеризуем каждую группу словарей в отдельности.

I. Полный церковно-славянский словарь издан Московским патриархатом в 1993 году, однако составлен этот словарь в 1898 году. Составители словаря обосновывают необходимость данного издания следующим образом: во-первых, в настоящее время нет **полного** (выделено автором – Ю. М.) церковно-славянского словаря. Последнее издание подобного словаря («Церковный словарь» прот. Алексеева) датировано концом позапрошлого столетия (1773–1776); во-вторых, церковь обеспокоена тем обстоятельством, что в последнее время появилось большое число сек-

тантов и раскольников, которые, не понимая языка библейских и церковно-богослужебных книг, извращают их смысл и ложно толкуют в свою пользу известные слова и выражения; в-третьих, замечается подъем интереса к религиозно-нравственной жизни, к православию, к русским древностям и жизни славян, и издание такого лексикографического труда необходимо для всех православных, которые хотят понимать все, что происходит и произносится во время богослужения. Составители преследовали следующие цели: во-первых, объяснить самым подробным образом все малопонятные слова и обороты речи, встречающиеся в церковно-славянской Библии, церковно-богослужебных и церковно-назидательных книгах; во-вторых, дать возможность читать и понимать памятники древнерусской письменности как духовной, так и светской, оригинальные и переводные. Однако данный словарь намного шире, чем традиционный толковый. Многие слова объяснены еще и с этимологической, и с исторической точки зрения. Некоторые слова, которые казались авторам особо важными для культурной жизни славяно-русского народа, объяснены с «особенной подробностью и всесторонностью» [ПЦСС: Предисловие, XX]. Словарь содержит около 30 000 слов. В предисловии сказано, что словарь предназначен для «объяснения как всех церковно-славянских слов, древнего и нового периода, встречающихся в библейских и церковно-богослужебных книгах и прочих памятниках духовной и светской письменности, так и всех наиболее важных по значению и затруднительных по пониманию древнерусских слов, относящихся к культурной жизни славяно-русского народа» [Там же], поэтому в словаре встречаются не только библейские или церковно-богослужебные слова и термины, но и историко-археологические, этнографические, географические, относящиеся к славянской мифологии и т. д. Предназначается данный словарь в первую очередь пастырям церкви, всем преподавателям русского и церковно-славянского языка, а также всем читающим русские летописи и древние старопечатные книги и просто интересующимся читателям. Этот словарь можно также отнести к энциклопедическим словарям, так как в нем содержатся наименования географических объектов; собственные имена. «Полный церковно-славянский словарь» – единственное

издание в своем роде, которое покрывает весь религиозный дискурс.

Несколько слов необходимо сказать и об адресанте словаря. Адресант – это, прежде всего, носитель ортодоксальной православной культуры, который живет в рамках религиозного дискурса. В XX веке словарь, подобный этому, не издавался. Все словари, которые были изданы в более позднее время и описывали семантическую сферу религиозного, отражали лишь **фрагменты** религиозного дискурса, в частности основные библейские события, нравственные категории и понятия [Давыдовой, 2000]; малопонятные слова, встречающиеся в канонических текстах [Словарь малопонятных слов при Молитвослове]. Данный словарь преследует ту же цель, что и полный церковно-славянский словарь – помочь людям в истолковании и понимании непонятных церковных слов. При молитве человек должен понимать и чувствовать все, что он произносит, однако это невозможно, так как абсолютное большинство людей не знает церковно-славянского языка. Именно поэтому составляются такие краткие словарики. Помимо совершенно незнакомых слов в словарики включены церковные слова, значения которых отличаются от аналогичных светских слов. Например: *весь* = *село*; *доброта* = *красота*; *живот* = *жизнь*; *прелесть* = *обольщение*; *язык* = *народ* и др.

II. Атеистический словарь создан в противовес религиозному словарю. М. П. Новиков в предисловии к словарю выделяет четкого адресата: пропагандисты, лекторы, организаторы атеистической работы. Словарь предназначен для «атеистического воспитания», он имеет образовательную цель – просвещение пропагандистов, поэтому в него включены наиболее употребительные понятия, с которыми пропагандистам приходится иметь дело в процессе атеистического воспитания. Словарь охватывает все мировые религии: христианство, буддизм, иудаизм, ислам; язычество. С помощью данного словаря проводится антирелигиозная (атеистическая) языковая политика – формируется отрицательное отношение к религии. Так, в состав словаря включены специальные словарные статьи: *религиозная идеология*, *атеистическое воспитание* и под. В сами толкования включены модальные слова (*якобы*, *будто* – словарные статьи **брак церковный**,

грех) и оценочные словосочетания: чувствуя шаткость опоры на «священное писание» (словарная статья **богопознание**), *реакционная идея о бессмертии оказывает отрицательное влияние на умы людей. Она вселяет иллюзорную веру в потустороннее существование и тем самым парализует творческую и социальную активность личности* (словарная статья **душа**), *таинство елеосвящения служит одним из средств психологического воздействия на верующих, с помощью которых церковники стремятся опутать, пронизать религией всю жизнь человека от рождения до его смерти* (словарная статья **елеосвящение**), *церковь дает верующим извращенное представление о моральной ответственности* (словарная статья **исповедь, покаяние**) и под. Особенность словаря заключается в том, что он имеет отсылочный характер к религиозному дискурсу. В частности, каждая статья имеет отсылку, маркирующую «чуждость» религиозных представлений для обыденного сознания: *в христианском вероучении, в современных религиях*. По своей сущности это энциклопедический словарь: словарная статья включает много религиозно-философской, культурологической информации; раскрывает историю явления и, главное, приводит положения марксистской теории, разоблачающие «реакционную, социальную роль религии» с позиций науки и идеологии.

III. Третья группа – толковые словари, ориентированные на массового читателя с формирующимся атеистическим сознанием и обслуживающие светский дискурс. В этих словарях отражается сфера религиозного, но достаточно фрагментарно, поскольку в толковых словарях ни одна из семантических сфер не может претендовать на полноту описания, так как бытие любой социально-коммуникативной области не ограничивается наивными представлениями. Все сферы лексики отражены с той или иной степенью полноты в зависимости от объема и задач словаря. Толковые словари, рассчитанные на массового адресата, освещают только участок религиозного дискурса, причем с атеистических позиций.

Это можно объяснить разными причинами: во-первых, лексикографическими (толковые словари литературного языка, в силу экономии места, содержат лишь активную частотную лексику каждой из семантических сфер), и, во-вторых, идеологиче-

скими (в советское время религиозная лексика была в значительной степени табуированной).

Словарь, в какое время бы он ни создавался, является проводником языковой политики государства, другими словами, словарь отражает языковую идеологическую ситуацию в определенное время. В советское время, когда господствовал тоталитаризм, возник тоталитарный язык, который зафиксирован в толковых словарях тех лет. Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова (далее СУ) – это первый советский лексикографический труд, в котором достаточно полно отражен словарный состав русского литературного языка советской эпохи (до 30-х гг. XX в.). В предисловии к словарю находим: «История словарей показывает, что каждый из них является отражением классовых интересов своей эпохи» [СУ 1935-1940, Т.1: 3]. СУ – попытка отразить процесс целенаправленной идеологической переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции и указать установившиеся идеологические нормы употребления слов. Составители старались придать словарю характер образцового, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык. Но в понятие *правильность*, наряду с орфоэпической, орфографической, стилистической нормативностью, включается еще и идеологическая правильность. Фактически можно говорить об особом типе нормы – идеологической норме, кодифицированной толковым словарем. Идеологическая норма – система догм, однолинейное направление мысли, оценки, однонаправленное помещение предмета, понятия в строго определенное культурное (фактически – идеологическое) пространство.

В первых изданиях толкового словаря русского языка С. И. Ожегова (1953) также отражена идеологическая норма, а, следовательно, и антирелигиозная политика государства. Об этом можно судить, например, по таким замечаниям, сделанным автором: «Однотомный словарь русского языка является руководством к правильному употреблению слов...» – и далее: «Русский язык... является источником новых понятий и терминов социалистической культуры, политики подлинного демократизма и прогресса» [СО: 3-4].

Академический семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» явился наиболее полным толко-

во-историческим и нормативным словарем литературного языка XIX–XX веков. Представляя словарный портрет эпохи, академический словарь не мог не отразить идеологических установок этой эпохи, которые выявились и в толкованиях, и в стилистических пометах, и в иллюстрациях. Составители словаря руководствовались следующим положением: «Словарь должен с необходимой полнотой отражать политическую жизнь страны Советов, представляя лексику и фразеологию, созданную и принятую в письменном и разговорном литературном языке эпохи диктатуры пролетариата, в условиях советского строительства и нового социалистического производства» [Цит. по: Виноградов, 1977: 198–199]. Поэтому в системе толкований слов религиозной сферы, в характере ограничительных помет, в подборе цитат (в частности, в насыщении словарных статей цитатами из классиков марксизма), как и в словаре Д. Н. Ушакова, нашли отражение идеологизация словаря, поляризация оценок, воплощающая антагонизм социалистической и капиталистической систем, неприятие любой религии, и православной – в особенности.

IV. Последняя группа словарей также обслуживает светский дискурс, однако отличается от предыдущей группы типом адресата – это массовый читатель с формирующимся свободным отношением к религии. Самые авторитетные труды в этой группе – «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой; «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» Г. Н. Складерской. Здесь семантическая сфера *религии* также отражена частично, но толкования лексических единиц религиозной сферы даются с принципиально иных, просветительских позиций.

Так, в Толковом словаре русского языка 1997 г. под редакцией Н. Ю. Шведовой (далее – СОШ), как показывают наблюдения, тенденциозная советская идеологизированность, зафиксированная в более ранних изданиях словаря, в значительной степени снимается. Атеистическое мировоззрение уже не навязывается адресату, который является свободным гражданином и вправе самостоятельно решить вопрос о свободе совести.

«Словарь православной церковной культуры» Г. Н. Складерской, как уже было сказано, обслуживает и светский, и религиозный дискурс; предназначен специализированному и массо-

вому адресату с формирующимся православным сознанием. Это единственный светский словарь, который по охвату религиозного дискурса может сравниться с «Полным церковно-славянским словарем» прот. Г. Дьяченко. «Словарь православной церковной культуры» – это толково-энциклопедический словарь, в котором большую часть занимают культурные сведения. В словаре описываются лексические единицы, связанные с православием: основные понятия христианского вероисповедания, элементы и предметы богослужения, таинства, наименования церковной иерархии, облачения, элементы церковного календаря, православные праздники. Как отмечает автор, «цитаты из текстов Нового Завета, из просветительской религиозной, а также светской литературы выполняют разные функции: дополняют и углубляют толкование, представляют разнообразную информацию о церковной культуре, вводят в круг церковного чтения» [Скляревская, 2000: 6]. Данный словарь адресован широкому кругу читателей: прежде всего – всем православным; а также людям, желающим ознакомиться с основами православия; специалистам в области культурологи; лингвистам, исследующим лексику духовной сферы, а также государственным и общественным деятелям, обращающимся к темам православия и духовности. Адресант этого словаря не богослов, а лингвист-лексикограф, и это обстоятельство составляет главную отличительную особенность этого труда: «лексика православия впервые представлена и описана не только как принадлежность замкнутой (церковной) сферы употребления, но главным образом как составная часть *современного* (выделено автором – Ю. М.) русского языка» [Скляревская, 2000: 4].

Таким образом, для словарей разных типов даже при очевидном сходстве целей характерна принципиально различная идеология и принципиально разный подход к отражению семантической сферы *религия*. Сопоставим лексикографическое представление лексемы *Бог* – центрального понятия религиозного дискурса – в словарях всех описанных групп.

Бог – Творец неба и земли. Бог есть существо вечное, независимое, всесовершенное, свободно действующее, самовластно господствующее, всевысочайшее, простое, духовное, неизменное, единое, всеведущее, всемогущее, премудрое, всеблагое,

пресвятое, самодовольное, бесконечное, непостижимое, преблаженное, вина всех вещей. (ПЦСС).

Бог — основное религиозное представление. В современных религиях это, как правило, верховная сущность, наделенная высшим разумом, абсолютным совершенством, всемогуществом, сотворившая мир и управляющая им. По христианским понятиям Бог — это истина, добро и красота. (Карманный словарь атеиста).

Бог — По религиозно-мистическим представлениям: мифическое верховное качество, якобы управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ. (СО).

Бог — 1. В религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ.

2. (Б прописное). В христианстве: триединое божество, творец и всеобщее мировое начало — Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. (СОШ).

Различие обнаруживается уже в выборе идентификатора. Для религиозного сознания Бог — это творец, создавший видимый и невидимый мир. Именно это слово приводится как идентификатор, обязательно с прописной буквы, иногда с определением *всевышний* во всех словарях первой группы.

В толковых словарях третьей и четвертой групп (для массового адресата с формирующимся сознанием) идентификатором регулярно выступает имя *существо*, достаточно неопределенное по своему значению — «живая особь, человек или животное» [СОШ: 782]. Здесь явно ощущается связь с мифологическим сознанием, «мифическим способом представления, превращающего все существа в личности, все отношения в действия» [Мюллер, 2002:119]. В светском сознании религиозное и мифическое часто отождествляются, однако для собственно религиозного сознания это разные системы и способы мировосприятия. Бог не соотносится с человеком: он выше человека, он всем управляет и над всем властвует. Поэтому, в частности, «в Библии нет описания Бога, но есть Его слово» [Давыдова, 2000: 23].

Словари атеистической направленности были предназначены для пропаганды материалистического мировосприятия, поэтому Бог мог быть осмыслен только как идеальная сущность, присутствующая в сознании в форме наивного представления.

Именно это слово выбирается как собственно идентификатор. Все другие номинации родового понятия, приводимые в словарной статье (*сущность, истина, добро, красота*), являются отражением «чужого» (нематериалистического) мировоззрения.

Существенные различия в семантизации концепта *Бог* словарями разных групп наблюдаются при выделении дифференциальных признаков понятия. Так, в словарях религиозного дискурса Бог обладает многими уникальными качествами: он *вечен, всемогущ, вездесущ, всеблагот, являющий любовь к людям, милосердие и всепрощение; вседержитель, владыка, независимый, всесовершенный, свободно действующий, самовластно господствующий, всевысочайший, препростой, неизменный, всеведующий, премудрый, пресвятой, самодовольный, бесконечный, непостижимый, преблаженный, вина всех вещей*.

Все словарные определения утверждают абсолютное совершенство и абсолютное знание, которым обладает Бог. Не случайно многие из приведенных определений имеют приставку *пре-* со значением «высшая степень качества» или префиксоид *все-* со значением «исчерпывающей полноты качества или свойства, выраженного второй частью слова». Однако, как указывают авторы церковных словарей, и при таком разностороннем перечне свойств «собственное определение Бога» никогда не бывает полным.

В толковых словарях третьей и четвертой групп фиксируется значительно меньше дифференциальных признаков. Указаны признаки Бога как существа, стоящего над миром и людьми: *верховное, всемогущее*. В «Словаре православной церковной культуры» и в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» ряд дифференциальных признаков увеличивается за счет введения в толкование характеристик из религиозного дискурса, подчеркивающих абсолютность Бога: *обладающий высшим разумом, абсолютным совершенством, всемогуществом, абсолютным знанием, являющий людям любовь, милосердие и всепрощение*.

Для атеистического мировоззрения понятие «Бог» – это абсолютная абстракция, поэтому в нем невозможно выделить дифференциальные признаки, что и находит отражение в словарях второй группы. Все включенные в словарную статью признаки

Бога отмечены как принадлежащие иному, религиозному дискурсу.

В последнее время в лексикографии намечаются новые подходы, связанные с общими тенденциями в лингвистике. Ученые говорят о несовершенстве имеющихся словарей и предлагают варианты реконструкции толковых словарей старого образца. В основном критикуется отсутствие унификации при описании сходных объектов, фрагментарный, дискретный показ дифференциальных признаков, наличие семантических «кругов» и «цепочек» в толкованиях, тавтологические определения и т.п. Главный вопрос, который, по мнению лексикографов, необходимо решить, – это вопрос об информативной недостаточности толковых словарей. Однако описание такой специфической сферы, как семантическая сфера *религиозное*, требует большой осторожности и выверенности не только с лексикографической, но и с идеологической точки зрения.

Список литературы

- Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М., 1977.
- Гольберг И. М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2002.
- Давыдова Н. В. Библейский словарь школьника. М., 2000.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
- Карманный словарь атеиста / Под ред. М. П. Новикова. М., 1975.
- Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994.
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1981–1984.
- Мень А. Православное богослужение. Таинство, слово и образ. М., 1991.
- Мюллер М. От слова к вере. Миф и религия. М., 2002.
- ПЦСС – Полный церковно-славянский словарь / Сост. прот. Г. Дьяченко. М., 1993.
- Пивоваров Д. В. Душа и вера. Оренбург, 2003.
- Рымарь Н. Т. Поэтика: Художественная деятельность – структура произведения // Проблемы деривации: Семантика. Поэтика. Пермь, 1991.
- Скляревская Г. Н. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 463–473.
- Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.
- СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

СУ – Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. проф. Д. И. Ушакова. М., 1935–1940.

Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

В. В. Круглов,
*заведующий кафедрой земельного
и экологического права УрГЮА,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ*
В. В. Вараксин
*доцент кафедры земельного
и экологического права УрГЮА*

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В формировании и реализации государственной экологической политики в Российской Федерации важное значение имеют ее региональные аспекты, что закреплено в Экологической Доктрине РФ, одобренной Правительством РФ 31 августа 2002 г.¹ Хотя по ряду направлений экологическая политика РФ учитывала особенности регионов, но по многим – пренебрегала региональными различиями², что вряд ли правомерно. Это требует формирования региональной экологической политики, которая, в широком смысле, представляет систему правовых и иных мер по обеспечению охраны окружающей среды, рационального природопользования и экологической безопасности в регионах.

¹ СЗ РФ 2002. № 36. Ст. 3510.

² См.: Степаненко В. С. Указ. раб. С. 4, 20; Региональная экологическая политика. / Отв. ред. В. М. Захаров. М., 2001; Вараксин В. В. Природопользование и охрана окружающей среды. Природоохранная деятельность правоохранительных органов (организационно-правовые вопросы). Екатеринбург, 2004. С. 28–29.